

ГЛАВА 1

Говорят, что распознать настоящих шеннон-ши¹ можно по рукам — их ладони испачканы землей, кончики пальцев покрыты шрамами от шипов, а корка из почвы и крови всегда темными следами полумесяца остается у них под ногтями.

Раньше я смотрела на свои руки с гордостью.

Сейчас все, о чем я думаю, когда вижу их, — *этими руками я погубила мою маму.*

В нашем доме темно и тихо, я прохожу по комнатам, словно воришка. Копаюсь в коробках и ящиках, вожусь с вещами, которые спрятал отец, чтобы они не напоминали о его горе. Я аккуратно шагаю между стульями и корзинами, сушилками и банками, мои шаги осторожные. Сквозь стены до моих ушей доносится тихий кашель Шу, которая ворочается в своей постели. За последние несколько дней ей стало только хуже.

Скоро яд заберет ее жизнь, как уже сделал это с нашей мамой.

¹ Шэнь-нун — один из важнейших героев китайской мифологии, покровитель земледелия и врачевания.

Вот почему я должна уйти сегодня вечером, прежде чем мой отец попытается остановить меня и я буду связана чувством вины и страха до тех пор, пока не станет слишком поздно. Я касаюсь свитка, который спрятан в складках моей туники, чтобы удостовериться в том, что он все еще там.

Я нахожу то, что искала в глубине кладовки: шкатулка шеннон-ши моей мамы, скрытая от посторонних глаз в угловом шкафу. Воспоминания выскальзывают из-под открытой крышки, будто они ждали меня в этой пахнущей чаем темноте. Я пробегаюсь пальцами по каждой бороздке на дереве, прикасаюсь к отделениям, вспоминая, как мы снова и снова повторяли названия предметов, что хранились здесь. Эта коробка — ее карта. Ее учения, ее истории и ее магия.

Но это зрелище навевает и другие воспоминания.

Разбитая чашка. Темное пятно на полу.

Я быстро закрываю крышку.

В глубине того же шкафа я нахожу другие банки, которые подписаны аккуратным почерком мамы. Мои руки слегка дрожат, когда я открываю банку с чайными листьями с прошлого лета. Последний урожай я помогла собрать ей, гуляя по садовым дорожкам и срывая листья с манящих веток.

Стоит мне вдохнуть аромат высушенных листьев, запах тут же сменяется горечью. Я вспоминаю, как мои последние попытки овладеть магией заканчивались слезами и неудачами. Тогда я поклялась, что больше никогда не прикаснусь к этим инструментам. Но это произошло до того,

как свиток появился у нас на пороге. Отныне потерпеть неудачу — не вариант.

Люди, которые не видят ничего дальше своего носа, часто низводят роль шеннон-ши до эдаких завлекал, которые могут искусно налить и представить самый обычный напиток. Обученные шеннон-ши, разумеется, владеют основами — ароматами, подходящими для разных случаев, правильной формой и техникой изготовления чашки, которая подходит к тому или иному подаваемому чаю. Но истинные обладатели магии шеннон владеют уникальными навыками. Некоторые заваривают чай для эмоций — сострадания, надежды, любви. Другие способны наполнить тело энергией или побудить пьющего вспомнить что-то давно им позабытое. Они проходят сквозь границы тела и проникают в саму душу.

Руководствуясь мерцающим светом жаровни, я вытаскиваю поднос со стоящими на нем чайниками — один для замачивания, а другой для отстаивания. Сквозь шум бурлящей воды я слышу скрип в соседней комнате. Я замираю, опасаясь длинной темной тени на стене, за появлением которой следует гнев моего отца.

Но это лишь звук его храпа. Я выдыхаю и возвращаюсь к своим инструментам. Деревянными щипцами беру шарики чайных листьев и кладу их в сосуд. Осторожным поворотом запястья даю горячей воде стечь по листьям. Они медленно разворачиваются, раскрывая свои секреты.

Величайший шеннон-ши может видеть грядущее будущее, слегка покачивающееся над паром хорошо сваренной чашки чая. Однажды мама за-

варила чай фу-пен-дзи из высушенных листьев малинового куста для беременной женщины из деревни. Пар горел синим цветом в утреннем воздухе, приняв форму четырех сверкающих игл. Так она в точности предсказала то, что ребенок родится мертвым.

Я слышу ее голос, когда листья расправляются в воде. Мама рассказывала нам о том, как вечерний туман следует за белыми кончиками крыльев Хранительницы Гор, богини, которая в сумерках превращается в птицу. Ее именуют Леди Юга; она уронила единственный лист из клюва в чашу Первого Императора и подарила людям удовольствие от чая.

Когда я была маленькой, мы с Шу ходили за нашими родителями через сады и фруктовые поля с повязанными на бедрах корзинами. Мне частенько казалось, будто я чувствую прикосновение этих кончиков крыльев на своей коже. Порой мы останавливались, чтобы послушать, как богиня направляет нас к месту, где щебечет гнездо вылупившихся птенцов, или как она предупреждает нас о проливных дождях, которые способны вызвать гниение корней, если мы не будем тщательно обрабатывать землю.

Я переливаю золотистую жидкость из чайника для замачивания в чайник для отстаивания. Мама не позволяла нам забывать старые традиции, которые существовали еще до завоевания кланов и взлета и падения империй. В каждой чашке, что она заваривала, был особый ритуал, выполняемый с глубоким почтением. То, как она знала каждый компонент, вошедший в состав пригото-

ливаемого чая — происхождение воды, аромат дерева, что разжег огонь, сосуд, в котором нагревали воду. Вплоть до листьев, сорванных ее пальцами, погруженных в чашу, которую она создала своими собственными руками и обожженную в ее печи. Дистиллированная жидкость в ладонях ее рук, которую она принесла в качестве благословения.

«Вот и готово. Пей и будь здоров».

Я наклоняюсь вперед и вдыхаю сладкий аромат яблок. Я слышу сонный гул пчел среди цветущих полевых цветов. Чувство уюта окутывает меня, согревая своим теплом. Мои веки начинают опускаться, но момент исчезает, стоит чему-то пролететь перед моим взором.

Мое тело покалывает от осознания происходящего.

Трепет черных крыльев справа от меня. Ворона проскальзывает в дымную тьму перед тем, как исчезнуть.

Чтобы освоить чтение чая на уровне настоящего мастера, требуется целая жизнь тренировок, но я уже смирилась с тем, что стану подопечной лекаря. Это решение было принято год назад. Моя сестра не выносила вида крови, поэтому моему отцу потребовалась дополнительная пара рабочих рук.

Волна сомнения вновь пробегает по моей коже, когда пальцы сжимают свиток. Приглашение предназначалось для кого-то другого — для настоящей ученицы моей мамы.

Но мама мертва. И сейчас только одна из нас достаточно сильна для того, чтобы путешествовать.

Я заставляю себя сосредоточиться. Глубокий вдох, и все проходит. Пар заметно колеблется, когда я выдыхаю. Больше никаких видений. Струя чая переносится в маленькую чашку, предназначенную для питья, — всего для одного глотка. Напиток стекает по моему горлу, я чувствую медовый вкус оптимизма и обещания того, что лето будет длиться вечно...

Смелость ярко разгорается в моей груди, такая же горячая, как речная скала, обожженная солнцем.

Уверенность распространяется по моему телу. Я отвожу плечи назад и чувствую себя подготовленной, словно кошка перед прыжком. Напряжение внизу живота ослабевает. Я все еще чувствую магию. Боги не забрали ее в качестве наказания за мое пренебрежение.

Звук сильного кашля сбивает мою концентрацию. Я опрокидываю один из чайников, чай проливается на поднос, и я бегу в соседнюю комнату.

Моя сестра изо всех сил старается удержать себя трясущимися руками, кашель разрушает ее стройное тело. Она пытается нащупать таз, который мы держим рядом с ее кроватью, я подхожу и передаю его ей. Кровь снова и снова брызгает на дерево, ее слишком много. Спустя вечность кашель наконец стихает, и сестра дрожит напротив меня.

— Холодно, — шепчет она.

Я забираюсь в кровать, устраиваюсь рядом с ней и накрываю нас одеялами. Она сжимает мою тунику и тяжело дышит. Я обнимаю сестру, и ее

дыхание становится ровным, а морщинки напряжения вокруг рта сглаживаются.

Без знаний мамы, чтобы излечить Шу, мы с отцом перепробовали все возможное. Я, изо всех сил пытающаяся вспомнить уроки из детства, и он, опытный лекарь, получивший образование в императорском колледже. Он умеет вправлять кости, лечить порезы и внешние недуги. Несмотря на то что ему известны некоторые лекарства для внутреннего применения, отец всегда полагался на маму, когда дело касалось критических случаев. Это делало их отношения такими хорошими. Мой папа использовал каждую доступную ему крупицу знания, он смирил свою гордость и послал письмо с просьбой о помощи в колледж. Отец испробовал все возможные противоядия в пределах его досягаемости. Но мне хорошо известна темная правда, вокруг которой мы блуждаем.

Моя сестра умирает.

Эликсир и настойки сдерживают яд подобно дамбе, однажды он прорвется через нее. Мы ничего не сможем сделать, чтобы это предотвратить.

И именно я — та, кто подвел сестру.

Я борюсь со своими мыслями и беспокойством в темноте. Я не хочу оставлять ее, но другого пути нет. Свиток — наш единственный шанс. Его доставили королевской процессией в дом каждого шеннон-ши в Да кси. Когда мы его получили, Шу была дома одна. Я была в деревне с отцом, помогала ему ухаживать за одним из пациентов. Сестра развернула свиток вечером в нашей спальне, чтобы я смогла ознакомиться с ним в уединении. Ткань, вышитая золотой нитью, засверкала. На задней

части покачивался дракон, вышивка была такой прекрасной, что, казалось, будто он сейчас оживет и начнет танцевать вокруг нас, оставляя за собой огненный след.

— Это пришло нам сегодня, — Шу сказала мне с такой воодушевленностью, какую мне редко доводилось слышать от моей кроткой сестры. — Императорский конвой прислал указ принцессы.

Слова, которые я выучила наизусть: *императорским указом, принцесса Ли Инь-Чжэнь приглашает вас на празднование и поминание вдовствующей императрицы на фестивале восходящей звезды. Все шеннон-ту приглашаются к участию в состязании, победитель которого впоследствии сможет служить при дворе. Победителю будет оказана услуга самой принцессой — она исполнит любое его желание.*

Слова словно песня для меня, она манит.

В нашем поколении не было ни одного шеннон-ши, допущенного ко двору, поэтому быть избранным — поистине огромная честь. Это позволило бы шеннон-ту пройти испытания и стать мастером. Их хозяйства будут награждены богатством, а в деревне проведут празднование. Но больше всего меня манит надежда на исполнение желания. Я могла бы попросить, чтобы к моей сестре направили лучших врачей королевства, тех, кто измерял пульс самого императора.

У меня сжимается горло, когда я смотрю на свою сестру, которая крепко спит рядом. Если бы я могла извлечь из нее яд и поглотить его вместо нее, я бы с радостью так и сделала. Я бы сделала

все что угодно ради того, чтобы облегчить ее страдания.

Я сварила ту роковую чашку чая для мамы и Шу из брикета чая, который обычно раздают всем подданным императора на празднике середины осени¹. На мгновение, когда обжигающая вода просочилась сквозь брикет листьев, мне показалось, что я увидела змею — белую и мерцающую, она извивалась в воздухе. Когда я отмахнулась от пара, она тут же исчезла. Мне бы следовало предпринять что-то, вместо того чтобы отвергать знаки.

Но вскоре губы моей мамы почернели. Змея была предзнаменованием, предупреждением богини. Я не прислушалась. Даже когда яд до боли разрывал тело моей мамы, она приготовила целебный эликсир для моей сестры, чтобы очистить ее желудок, и спасла ей жизнь.

По крайней мере на время.

Я выбираюсь из постели, стараясь не тревожить покой сестры. Уложить оставшиеся вещи не займет много времени. Я складываю в мешок одежду вместе с единственным ценным предметом, который у меня есть, — ожерельем, которое мне подарили на десятый день рождения. Я продам его, чтобы получить немного денег для своего путешествия в столицу.

— Нин! — шепот Шу прорывается сквозь ночь. Похоже, она все-таки не смогла заснуть. Моё сердце разрывается при виде ее бледного, как мо-

¹ Один из самых значимых китайских праздников, означает воссоединение семьи и гармонию.